

**ПРОЦЕССЫ НАКАПЛИВАНИЯ ПРЕИМУЩЕСТВ И УГЛУБЛЕНИЯ
ДЕПРИВАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ¹**

Балабанова Евгения Сергеевна

Балабанов Антон Сергеевич

Нижегородский государственный университет

E-mail: baes@fup.unn.ru

Радикальные экономические реформы последнего десятилетия привели к интенсивному социальному и экономическому расслоению населения России. Приводятся данные о том, что квинтильный коэффициент дифференциации доходов возрос с 2,5–3 раз в конце 1980-х гг. до 7–9 раз в 2001 г.², децильный коэффициент в феврале 2003 года равнялся 14³. Есть основания говорить о происходящей социальной поляризации населения, т.е. направленности социальной и экономической мобильности к полюсам социальной структуры. Последствия этих процессов видны уже сейчас – формирование взаимоисключающих интересов «верхов» и «низов», «геттоизация» больших групп населения на низших уровнях социальной иерархии без перспектив улучшения их положения.

Социальная поляризация в значительной степени обусловлена кумулятивным характером социальных процессов. Суть их заключается в известном библейском изречении – «законе Матфея» – *«кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет»* [Мф. 13: 12]. Иными словами, представители разных социальных страт имеют неодинаковые возможности для вертикальной социальной мобильности. Наиболее вероятно закрепление высокого статуса или его дальнейшее повышение высокоресурсными группами (процесс «накапливания преимуществ»), представители же низкоресурсных групп в условиях конкурентного общества оказываются исключенными от важнейших источников улучшения своего положения, и поэтому они – главные кандидаты на «углубление депривации», или накапливание неблагоприятных социальных обстоятельств [accumulating of social disadvantages].

Есть основания утверждать, что Россия находится в самом начале стихийного процесса накапливания преимуществ / углубления депривации в масштабах общества в целом. В СССР социальное и экономическое неравенство носило «искусственный» характер, было производным от немонетарной распределительной системы, в которой одними из важнейших факторов социальной мобильности были «блат» и идеологическая лояльность. В России 1990-х гг. процессы радикальной либерализации экономики и заметное ослабление редиистрибутивной функции государства привели к стихийному восстановлению «биологической справедливости» в пределах одного поколения, характерной для периодов революционных потрясений, когда наиболее активные и деятельные представители «низов» получают уникальные возможности для восходящей социальной мобильности, а многие

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда. Грант № 096 социология/грант-98.

² *Заславская Т.И.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования, 2001. № 8. С. 9.

³ Новости «РосБизнесКонсалтинг». 2003. 19 февраля. <http://top.rbc.ru/index1.shtml>

представители средних и высших слоев оказываются нежизнеспособными в новых условиях. Не случайно исследователи сходятся во мнении, что положение индивидов в социальной структуре России в 1990-е гг. как никогда раньше определялось их индивидуально-личностными качествами⁴.

В настоящее же время Россия подходит к новому этапу развития своей социальной структуры⁵, который можно обозначить как «*институционализация неравенства*», или, в терминологии П. Штомпки, кристаллизация структур интересов, возникновение прочной иерархии привилегий и лишений в отношении доступа к желаемым благам и ценностям, таким, как богатство, власть, престиж⁶. Это закрепление неравных стартовых позиций для новых поколений, передача раз достигнутого высокого социального статуса детям, инвестирование в них социального и экономического семейного «капитала» и, напротив, исключение «проигравших» и их потомков от важнейших экономических, политических и культурных ресурсов общества, блокирующее им возможности восходящей мобильности.

Возможность разработки теоретической модели процессов накопления преимуществ / углубления депривации. Давнюю традицию в построении различных схем воспроизводства богатства и бедности имеют макроэкономические теории. Например, теории «порочных кругов нищеты», зародившиеся в западных экономических школах в 40-х годах XX в., объясняют воспроизводство неблагоприятных обстоятельств различных обществ через замкнутые циклы в развитии, в процессе которых общество проходит через ряд состояний, в итоге возвращаясь к исходному⁷.

В социологии указанная проблема нашла отражение в работах К. Маркса (тезис о прогрессирующей поляризации общества и пауперизации пролетариата); М. Вебера в его понятии неравных «жизненных шансов»⁸; в неоеволюционистских теориях стратификации⁹. Анализ повторяющегося характера социальных процессов представлен в теории структуризации Э. Гидденса, рассматривающей воздействие каузальных витков, в которых ряд неумышленных следствий действий обратно связывается и так снова и снова устанавливает исходную ситуацию¹⁰. Эта концепция была использована, в частности, для изучения стратегий поведения аграрных предприятий в современной России¹¹. Авторы, занимающиеся проблемами «андекласса» – устойчивого самовоспроизводящегося низшего слоя социальной

⁴ См., например: Тихонова Н.Е. На пути к новой стратификации российского общества // Общественные науки и современность. 1998. № 3; Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск, 1997. С. 12–13.

⁵ См.: Заславская Т.И. Указ. соч. С. 9; Можно ли понять Россию? // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 135.

⁶ Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 11–12.

⁷ Нуреев Р.М. Теории развития: кейнсианские модели становления рыночной экономики // Вопросы экономики. 2000. № 4.

⁸ См.: Култыгин В.П. Исследования социальной структуры в переходных обществах (Историко-методологический обзор) // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 129.

⁹ Lenski, G.E. *Power and Privilege*. N.Y.: MC Graw-Hill, 1966.

¹⁰ Giddens, A. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. Houndmills a.o. 1979. P. 78–79.

¹¹ Лундер П. Репродукционные круги богатства и бедности в сельских сообществах России // Социологические исследования. 2002. № 1.

структуры – особое внимание уделяют изучению структурных факторов, «запирающих» людей на социальном дне¹².

В настоящее время кумулятивному характеру социальных процессов большое внимание уделяется в получившей признание в западноевропейской социологии концепции социального исключения¹³. В отличие от сформировавшейся в предшествующие десятилетия традиции изучения бедности как статичного явления (недостаточного уровня потребления), новая концепция акцентирует внимание на динамических аспектах неравенства («процесс исключения»)¹⁴. Она вводит понятие «множественности социальных проблем» – накапливания, подобно снежному кому, взаимопорождающих негативных жизненных обстоятельств, – исключенности от ресурсов занятости, проблем со здоровьем, психических нарушений, кризиса идентичности, разрыва социальных связей, «социальной дисквалификации», исключенности от «нормальной деятельности» общества, ограничения прав, индивидуальных свобод, возможностей получения услуг в области социального обеспечения, неучастия в политической жизни¹⁵. Работы этих авторов показывают ограниченность «финансового», статического подхода к изучению бедности, необходимость использования неэкономических индикаторов, анализа ее в терминах «накапливания неблагоприятных обстоятельств».

В отличие от большинства теоретических концепций, концепция социального исключения активно ориентирована на практическую деятельность в сфере социальной политики. Она способствовала пониманию того, что старые методы борьбы с бедностью в виде социальных трансфертов в лучшем случае позволяют поднять уровень потребления низших слоев, но не повышают «жизненные шансы» последних, фактически консервируя их депривированное положение и зависимый от государства экономический статус. Отмечается также, что рост национального благосостояния сам по себе не решает проблемы накапливания

¹² Field, F. *Losing Out: The Emergence of Britain's Underclass*. Oxford: Basil Blackwell, 1989.

¹³ Kronauer, M. Social Exclusion and Underclass – New Concepts for the Analysis of Poverty, in: Andreß, H.J. (ed.) *Empirical Poverty Research in Comparative Perspective*. Aldershot: Ashgate, 1998; Room, G.J. Social Exclusion, Solidarity and the Challenge of Globalisation, *International Journal of Social Welfare* (2000). Vol. 8. P. 166–174; Paugam, S. The Spiral of Precariousness: A Multidimensional Approach to the Process of Social Disqualification in France, in: Room, G. (ed.) *Beyond the Threshold: The Measurement and Analysis of Social Exclusion*. Bristol: Policy Press, 1996; Burchardt, T., J. Le Grand, D. Piachaud, Social Exclusion in Britain 1991–1995, *Social Policy & Administration* (September 1999). Vol. 33. No. 3.

¹⁴ Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 158–166; Berghman, J. 'Social Exclusion in Europe: Policy Context and Analytical Framework, in: Room, G. (ed.) *Beyond the Threshold*. Bristol: The Polity Press, 1995.

¹⁵ Paugam, S. Poverty and Social Disqualification: a Comparative Analysis of Cumulative Social Disadvantage in Europe, *Journal of European Social Policy* (1996). Vol. 6. No. 4. P. 288–298; Martin, C. French Review Article: The Debate in France over “Social Exclusion, *Social Policy & Administration* (December 1996). Vol. 30. No. 4; Lee, P., A. Murie, A. Marsh, and M. Riseborough. *The Price of Social Exclusion*, L.: National Federation of Housing Associations, 1995; Wilson, W.J. *When Work Disappears: The World of the New Urban Poor*, N.Y.: Alfred A. Knopf, 1996; Korpi, T. Accumulating Disadvantage. Longitudinal Analyses of Unemployment and Physical Health in Representative Samples of the Swedish Population, *European Sociological Review* (2001). Vol. 17; Rutter, M., and N. Madge. *Cycles of Disadvantage: A Review of Research*. L.: Heinemann, 1976; Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1999. Т. 2.

неблагоприятных жизненных обстоятельств. К нему ведут не столько низкие доходы как таковые, сколько неравенство в доходах¹⁶.

В последнее десятилетие к концепции социального исключения обратились и отечественные исследователи. Наиболее известны работы Ф.М. Бородкина¹⁷, а также результаты исследования исключений сельского населения¹⁸. Стратегиям домохозяйств по совладанию с социальным исключением было посвящено исследование М. Локшина и Р. Емцова¹⁹. Отечественная литература по проблемам бедности стала также оперировать понятием кумулятивного характера социальных процессов²⁰.

Возможности эмпирического изучения кумулятивных социальных процессов

Выработка строгих статистических моделей, позволяющих не только описать процесс накопления преимуществ / углубления депривации, но, например, измерить степень выраженности, вес тех или иных факторов, способствующих или препятствующих поляризации – трудная задача, которая до сих пор не получила удовлетворительного решения. В имеющихся публикациях мы находим такие интегральные индикаторы этого процесса, как ухудшение ситуации в течение определенного промежутка времени; межпоколенные преемственности депривации²¹; сохранение неблагоприятных жизненных обстоятельств в рамках одного жизненного цикла; продолжительность периодов экономической зависимости от государства; доступ к образованию²².

Также важно изучение взаимосвязи различных составляющих включенности или исключенности индивида. Так, в работе Т. Корпи на основе данных лонгитюдного исследования доказывается существование опосредованной связи между статусом занятости и физическим здоровьем индивида, причем состояние здоровья может являться как фактором, влияющим на занятость, так и ее следствием²³. Сходная методика излагается в статье С. Лукаса, который изучает влияние переменных социального окружения индивида на достигаемый уровень образования и статусную позицию в обществе²⁴. Маргинализация

¹⁶ Rutter, M., and N. Madge. Op. cit. P. 327.

¹⁷ Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3–4.

¹⁸ Калугина З.И. Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // Мир России. № 3. 2000; Чернина Н.В. Эксклюзия сельского населения: опыт социологического исследования // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений / Под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. С. 80–96.

¹⁹ Lokshin, M., Yemtsov, R., Household Strategies for Coping with Poverty and Social Exclusion in Post-Crisis Russia / Всемирный банк: <http://info.worldbank.org/etools/docs/pm2-lokshin.pdf>

²⁰ Бойков В.Э. Россия: десять лет реформирования // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 35.

²¹ Rutter, M., and N. Madge. Op. cit.

²² Field, F. Op. cit.

²³ Korpi, T. Op. cit.

²⁴ Lucas, S.R. 'Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects', *American Journal of Sociology* (2001). Vol. 106. No. 6.

индивида через взаимодействие таких факторов, как детская нищета, низкий уровень образования, незанятость, является объектом рассмотрения Б. Нолена и К. Велена²⁵.

Основная сложность исследований такого рода заключается в необходимости учесть динамику процессов углубления неравенства, в то время как подавляющее большинство исследований социальной структуры ориентировано на «статическую», фиксацию тех или иных социальных групп, являющихся результатом уже сложившегося неравенства. Скажем о двух типах данных, потенциально позволяющих справиться с этой задачей. Первый – данные разовых (целевых) исследований, которые хотя и фиксируют современное состояние индивида по ряду параметров, в то же время содержат сведения о ранних его состояниях: социальном происхождении, профессии родителей, местности, где учился, учебных заведениях, которые окончил. В этом случае исследователь сопоставляет прошлые и настоящее состояния респондента. Поставщиком данных второго типа являются лонгитюдные, или панельные исследования, основанные на периодических наблюдениях одних и тех же индивидов. Здесь, при сохранении возможностей сопоставления начального и конечного состояний, исследователь может наблюдать последовательность смены состояний респондентов, в отдельных случаях – повысить устойчивость оценок параметров моделей за счет наличия повторных наблюдений, а также – вводить более сложные модели, в которых оцениваются не только существующие эффекты воздействия факторов, но и изменение силы этих воздействий во времени.

Как правило, экспериментальные западные исследования по накапливаемым социальным преимуществам опираются на масштабные, репрезентативные по стране (или изучаемому региону) базы опросов. Основные параметры полученных выборок соответствуют данным государственной статистики. Среди обширного накопленного эмпирического материала исследователь может рассчитывать найти материал по своей специфике. Часто доступны уникальные лонгитюдные данные более чем за 30-летний период (например, исследование динамики доходов населения, проводимое университетом Мичигана²⁶). Отечественные лонгитюдные базы данных открытого доступа только начинают формироваться (но уже сейчас есть результаты шести сопоставимых панелей Российского мониторинга экономики и здоровья, охватывающих период с 1994 по 2001 г.²⁷).

Анализ зарубежных публикаций позволяет говорить о сформировавшейся методологии статистических исследований процессов накопления преимуществ. Предварительное изучение наличия взаимосвязей между парами переменных (занятость и состояние здоровья, образование и удовлетворенность финансовым положением и т.д.) проводится с помощью традиционных инструментов описательной статистики: линейных и ранговых корреляций для количественных и ординальных признаков и построений таблиц сопряженности (кросстабуляций) номинальных признаков. При необходимости все эти инструменты позволяют сделать проверки на статистическую значимость обнаруженных взаимосвязей. Если теория предполагает существование зависимостей в наборе переменных, продуктивной становится статистическая оценка влияния отдельных факторов и их взаимодействий на зависимую переменную посредством *регрессионных моделей*. *Множественная линейная регрессия применима*, если зависимая переменная является *числовой*. Так, например, в работе С. Шимана для изучения одного из показателей социальной включенности – ощущения

²⁵ Nolan, B., Whelan, C. T. *Loading the Dice? A Study of Cumulative Disadvantage*. Dublin: Oak Tree Press, 1999.

²⁶ Сайт исследования PSID (Panel Study of Income Dynamics) также содержит перечень масштабных лонгитюдных исследований, проводимых в разных странах: (<http://www.isr.umich.edu/src/psid/panelstudies.html>)

²⁷ <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms/home.html>

способности влиять на происходящее (sense of control) – был построен индекс самочувствия, который затем был введен в модель линейной регрессии в качестве отклика²⁸.

Среди независимых переменных (предикторов модели) наиболее часто можно встретить пол, возраст, расу (в работах американских исследователей), образование, семейное положение. Остальные предикторы определяются спецификой исследования. В случае, если требуется оценить *вероятность* (или *шансы* индивида) оказаться в том или ином состоянии под воздействием набора факторов, используются *логлинейные* модификации регрессии, в частности – *пробит* и *логит* модели. Примеры построения логлинейных моделей процессов накопления преимуществ можно найти в работах К. Макклеланд, Р. Лэйта и К. Велана, С. Лукаса²⁹.

Лонгитюдные исследования неизбежно связаны с отсевом индивидов от наблюдения к наблюдению и к появлению новых участников панели (в терминах анализа выживаемости – *цензурированию* наблюдений). Так, если сравнивать продолжительность периодов безработицы у двух групп индивидов, регулярно замеряя их состояние, некоторые индивиды могут исчезнуть из поля зрения исследователя еще до перехода в состояние занятости. Стандартные параметрические критерии (например, t-критерий сравнения средних двух совокупностей) предполагают полное исключение из анализа отсеившихся до окончания серии наблюдений респондентов. Модель *регрессии Кокса*, широко распространенная в био- и медицинской статистике, производит оценку функции риска перехода наблюдаемого в другое состояние при условии, что к очередному моменту наблюдения он сохранил свое первоначальное состояние. При этом в оценке участвуют и цензурированные наблюдения, что позволяет уменьшить потери информации из-за отсева респондентов. Регрессия Кокса используется в исследовании Т. Корпи при оценке детерминант риска перехода в состояние безработицы для занятых и «риска» перехода в состояние занятости для безработных³⁰.

Поскольку число факторов, отобранных исследователем как потенциально влияющих на зависимую переменную, обычно велико, встает проблема поиска наиболее простой регрессионной модели, обеспечивающей приемлемый уровень детерминации. Здесь на помощь приходят специальные инструменты поиска простых моделей, реализованные в статистических программных пакетах, которые производят оценку главных эффектов, двойных взаимодействий и взаимодействий высших порядков, проверку их значимости и отсев статистически незначимых элементов модели.

Помимо статистических, продуктивны также качественные методы изучения процесса аккумуляции неблагоприятных жизненных обстоятельств (либо выхода из этого порочного круга) путем углубленных интервью и анализа биографий, поскольку известно, что важным фактором этого процесса являются модели социализации и специфика жизненного опыта. Традиционно использование качественных методов в ходе выдвижения гипотез, которые предполагается представить к статистической проверке.

²⁸ Schieman, S. Age, Education, and the Sense of Control, *Research of Aging* (March 2001). Vol. 23. No. 2. P. 153–178.

²⁹ McClelland, K. Cumulative Disadvantage Among the Highly Ambitious, *Sociology of Education* (April 1990). Vol. 63. No. 2. P. 102–121; Lucas, S.R. Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects, *American Journal of Sociology* (2001). Vol. 106. No. 6.; Layte, R., and C.T. Whelan. Cumulative Disadvantage or Individualisation? A Comparative Analysis of Poverty Risk and Incidence / <http://www.ucd.ie/~sai/whelanplenary.PDF>

³⁰ Korpi, T. Op. cit.

Факторы прогрессирующего неравенства

Анализ отечественных и зарубежных публикаций позволяет дать качественную характеристику процессов накопления преимуществ / углубления депривации в разных сферах жизни общества и на разных уровнях социальной реальности, а также их причин.

Процессы глобализации: структура национальных экономик. Самый масштабный уровень воспроизводства и углубления неравенства связан с тенденцией к образованию всемирной инвестиционной среды и интеграции национальных рынков капиталов, известной как «глобализация». Следствием ее становится обострение межстрановой конкуренции и, в итоге, накопление преимуществ странами «золотого миллиарда» и углубление отставания стран Третьего мира. Происходит исключение бедных стран от инвестиционных ресурсов, которые могут позволить им когда-либо догнать западный мир. Это доступ к информации, образованию, технологиям, товарам культурного содержания в условиях постиндустриального общества, когда именно интеллектуальный капитал индивида (или нации в целом) определяет уровень жизни. Так, приводятся данные, что население богатых стран составляет 93% пользователей интернета, бедных – всего 0,2%, а 72% мировых иностранных инвестиций в настоящее время приходится на капиталовложения США, Европейского сообщества и Японии друг в друга³¹. Структура экономики бедных стран, ориентированных на индустриальное производство и экспорт сырья, становится «ловушкой»: увеличение уровня потребления в них возможно лишь за счет сверхэксплуатации природных и человеческих ресурсов, что в конечном счете ведет к их истощению. Напротив, богатые постиндустриальные страны, которые обладают таким безграничным ресурсом, как информация и знания, и производят их, непрерывно увеличивают свой экономический и интеллектуальный капитал и тем самым укрепляют фундамент своего будущего благополучия³².

Характер использования экономических ресурсов. Большое количество исследований посвящены сегодня анализу ресурсов, которыми обладают экономические акторы. Однако объяснение механизма порождения асимметрии доходов предполагает не только фиксацию обладания теми или иными ресурсами, но и выявление характера их использования.

Так, данные исследований домохозяйств как на Западе, так и в России показывают, что фактором укрепления экономического благополучия более обеспеченных домохозяйств и дальнейшего ухудшения ситуации более бедных является сама структура домашних расходов, а именно, преобладание у обеспеченных семей доли «стратегических», направленных на укрепление экономического и человеческого капитала семьи (инвестиции в образование, покупка недвижимости, сбережения), у бедных – текущих расходов, направленных на выживание (питание, покупка товаров для текущего потребления)³³.

Помимо материальных расходов бедных и богатых домохозяйств, фактором, обуславливающим их поляризацию, является также объем временных расходов на домашний труд. В бедных семьях, где ограничены возможности пользования платными услугами,

³¹ Ракитянский Н.М. Россия и вызовы глобализации // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 61–62.

³² Toffler, A. *The Third Wave*. Toronto, etc.: Bantam Books, 1987; Toffler, A. *Power shift, Wealth and Violence at the Edge the 21st Century*. N.Y.: Basic Books, 1990; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 23; Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 149–150; Ракитянский Н.М. Указ. соч.

³³ Робертс Б. Неформальная экономика и семейные стратегии // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Интерцентр, 1999. С. 323.

наблюдаются самые высокие трудозатраты на домашний труд (у мужчин – 30 часов в неделю, у женщин – 53), у обеспеченных, соответственно, – 20 и 41 час в неделю³⁴. Соответственно, у последних значительно больше возможностей эффективно перераспределять свое время в пользу оплачиваемой занятости, образования, досуга, т.е. на максимизацию дохода и наращивание своего семейного капитала.

Кроме того, зарубежные исследования показывают, что высокая имущественная обеспеченность сама по себе определяет будущее благополучие состоятельных семей³⁵. В частности, наличие жилья в собственности – это средство сбережений, которое может быть передано следующим поколениям; под залог жилья можно получить капитал. Для бедных же семей, вынужденных арендовать жилье, последнее не является активом или капиталом, поэтому расходы на его содержание принимают «затратный», а не «инвестиционный», характер. Плохие жилищные условия малообеспеченных – это не только вопрос дискомфорта или непрестижности, но часто, в случае плохих санитарных условий, скученности, они оказывают долгосрочный негативный эффект на здоровье людей, понижая тем самым их человеческий капитал³⁶.

Человеческий капитал: неравный доступ к образованию. Согласно теории человеческого капитала, экономическое неравенство является отражением неравных инвестиций в формальное и профессиональное образование³⁷. Основным фактором роста материального неравенства большинство исследователей признают различия в образовательном и интеллектуальном потенциале граждан западных стран³⁸. Образовательные учреждения распоряжаются культурным капиталом (в терминологии П. Бурдьё), ранжируют его неравное распределение и таким образом участвуют в производстве социального порядка.

Образование как фактор социальной дифференциации рассматривалось многими представителями социальной теории. Противоречивые функции образования – передавать статус от поколения к поколению и в то же время изменять его – были отмечены П. Сорокиным; связь системы образования с борьбой различных статусных групп за овладение богатством, властью и престижем через механизмы поддержки «своих» и создание препятствий для «посторонних» – Р. Коллинзом; проблема упрочения классового неравенства в школе рассматривается неомарксистами³⁹.

В современной французской социологии социальная мобильность и неравенство возможностей рассматриваются через неравные возможности получения образования для выходцев из разных социальных слоев и образовательные траектории индивидов⁴⁰. В частности, П. Бурдьё отмечал, что скрытое назначение школы – это легитимация

³⁴ Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. № 4. С. 98.

³⁵ Rutter, M., and N. Madge. Op. cit. P. 66–67; Pahl, R., *Divisions of Labour*. Oxford: Basil Blackwell, 1984.

³⁶ Rutter, M., and N. Madge. Op. cit. P. 70.

³⁷ Becker, G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993; Mincer, J. *Schooling, Experience and Earnings*. N.Y.: National Bureau of Economic Research, 1974.

³⁸ Иноземцев В.Л. Указ. соч.

³⁹ См.: Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 433–434; Сорокина Н.Д. Проблема взаимосвязи образования и социальной дифференциации в зарубежной социологии // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 2.

⁴⁰ Иршорн М. Акционизм // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. С. 46; Деруэ Ж.-Л. Социология образования: в поисках общества // Там же. С. 183.

«наследников» и стремление убедить остальных в том, что они исключены законно. По данным исследований, у детей из низших слоев более короткий период обучения, и большинство из них ограничиваются достижением социального статуса родителей⁴¹. Это объясняется слишком большими издержками на получение образования пропорционально к семейным доходам и большим риском инвестиций в образование, которое является условием необходимым, но недостаточным для занятия высоких социальных позиций⁴².

Кумулятивный характер неравенства в системе образования проявляется в самом процессе обучения. Отмечается, что в Англии вступительные экзамены в начальные школы лучше выдерживают дети из городского среднего класса; к 11 годам дети из беднейших и неполных домохозяйств уже отстают примерно на 3,5 года по успеваемости от «обычных» детей; в дальнейшем рынок труда еще более усиливает это изначальное неравенство. Британский исследователь утверждает, что дело здесь – вовсе не в уровне способностей, но в комплексном взаимодействии неблагоприятных обстоятельств развития депривированных детей⁴³.

Исследования в постсоциалистических странах также показывают, что степень открытости социальных структур в значительной мере обусловлена образовательной мобильностью. Так, в Польше вместе с углублением экономического неравенства появляется фактор «добавляющая сила социального происхождения» – закрывается доступ к образованию представителей рабочего класса, в то время как шансы получить высшее образование у выходцев из интеллигенции значительно возросли⁴⁴.

Среди отечественных исследователей проблема социальной селекции в системе образования, возможности трансмиссии высокого статуса и восходящей социальной мобильности рассматривается в работах Д.Л. Константиновского⁴⁵, Ф.Э. Шереги⁴⁶. Отмечается сужение как социальной базы, так и территориального ареала пополнения студенчества: уже в середине 1990-х гг. в составе студенчества возрос удельный вес детей из высокоресурсных групп – предпринимателей, интеллигенции и служащих, и, соответственно, снизилась доля детей работников физического труда. На примере наиболее престижных специальностей хорошо видны процессы селекции социальных групп, способных инвестировать в образование детей⁴⁷.

Результаты образовательного неравенства акцентируются в литературе, посвященной проблемам основанного на знаниях и доступе к информации постиндустриального общества,

⁴¹ Иршорн М. Указ. соч. С. 46.

⁴² Деруэ Ж.-Л. Указ. соч. С. 183.

⁴³ Field, F. Op. cit. P. 42–49.

⁴⁴ Доманьский Х. Появление в Польше меритократии // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 36.

⁴⁵ Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999.

⁴⁶ Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М.: Юристъ, 1997.

⁴⁷ Крухмалева О.В. Современные тенденции в получении образовательных услуг // Социологические исследования. 2001. № 9; Бойко Л.И. Трансформация функций высшего образования и социальные позиции студенчества // Социологические исследования. 2002. № 3.

где знание становится основным элементом общественного богатства⁴⁸. Отмечается, что в информационном обществе происходит распадение социума на класс интеллектуалов, имеющих главной целью совершенствование собственных способностей, получающих высокие доходы в качестве попутного результата своей деятельности и способных создавать готовую продукцию фактически без применения труда других людей, и «отчужденный класс», не обладающий ни доступом к информации, ни способностью ею воспользоваться. Интеллектуальное расслоение постепенно становится основой всякого иного социального неравенства, а проблема усугубляется тем, что знание является наименее демократичным ресурсом: в отличие от собственности и денежного капитала, оно неотделимо от своего носителя, его нельзя отнять, национализировать, перераспределить в пользу нуждающихся, и, следовательно, наследственная принадлежность к нынешнему «низшему классу» гораздо более жестка, чем принадлежность к индустриальному пролетариату⁴⁹.

Неравенство в профессиональной сфере: неравные вознаграждения. Характер труда, род профессиональных занятий – одно из важнейших измерений социальной стратификации, обуславливающее, помимо экономического благосостояния, интегральный показатель качества жизни в целом. Классовое неравенство в профессиональной сфере проявляется не только в разном уровне оплаты, но в самом содержании и условиях труда: занятые физическим трудом заменимы; менее свободны в использовании своего рабочего времени, их рабочие места менее надежны, они имеют меньше шансов на карьерное продвижение или перехода на более высокооплачиваемую работу. Структурные изменения на рынке труда в последние два десятилетия также наиболее неблагоприятны для представителей рабочего класса: они характеризуются ростом числа рабочих мест на неполную рабочую неделю, временных и низкооплачиваемых рабочих мест; соответственно, число «хороших» рабочих мест сокращается. Средний же класс характеризуется и более содержательной, и выше оплачиваемой работой, а растущий сектор услуг и производства интеллектуальных продуктов обеспечивает этим специалистам стабильную занятость⁵⁰.

Наиболее глубоко тенденции прогрессирующего неравенства в профессиональной сфере рассмотрены Р. Мертоном в его статьях разных лет «Эффект Матфея в науке»⁵¹, в которых рассматривался феномен получения неравного вознаграждения именитыми учеными и их малоизвестными коллегами за одинаковый вклад в научное исследование. Мертон объясняет это склонностью научного мира вознаграждать уже известных людей; психологической особенностью читателей замечать в списке авторов публикации имя, с которым они уже знакомы (при неясно обозначенном лидерстве первенство в публикации относят, как правило, к наиболее известному автору). «Эффект Матфея» в науке проявляется и на уровне научных школ: престиж известных ученых притягивает ресурсы, в том числе и

⁴⁸ Юрлов Ф.Н. Социальные издержки глобализации // Социологические исследования. 2001. № 7; Иноземцев В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6; *Его же*. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество; *Ракитянский Н.М.* Указ. соч.; *Баранов В.П.* Доктрина Тоффлера-Фукуямы-Хантингтона и реальность мира / Вестник сетевой культуры: http://www.orlenok.msk.ru/nepogoda/tfh_doctrine.html

⁴⁹ См.: *Иноземцев В.Л.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе. С. 72–76; *Его же*. Классовый аспект бедности в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 24–25; *Его же*. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество.

⁵⁰ Rutter, M., and N. Madge. Op. cit. P. 140; Field, F. Op. cit.

⁵¹ Merton, R.K. The Matthew Effect in Science, *Science* (January 1968). Vol. 159. No. 3810. P. 56–63; Merton, R.K. The Matthew Effect in Science II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property, *Isis* (1988). Vol. 79. P. 606–623.

перспективных молодых ученых, которые войдут в его научную школу. Подобная социальная селекция усиливает концентрацию научных ресурсов и талантов в одних научных центрах и препятствует возникновению новых такого же уровня.

Подобную же проблему в России сегодня рассматривает, например, Г.С. Батыгин в контексте распределения ресурсов финансирования научных исследований⁵². Он выделяет такие факторы «эффекта Матфея» в российской науке, как научные регалии, принадлежность заявителей в конкурсе грантов к «проверенной» (привилегированной) научной школе, а также умение оформлять проект «по всем правилам бюрократической науки». В несколько ином ракурсе – технологической оснащенности научных исследований и коммуникаций и активности участия ученых в международном сотрудничестве – эту проблему рассматривает Е.З. Мирская. «Более активные стали еще активнее, а менее активные стали еще пассивнее, что усиливает дифференциацию [научного] сообщества»⁵³. Развитие компьютерных технологий и интернета высвобождает временные ресурсы «продвинутых» ученых и позволяет им работать более эффективно при тех же трудозатратах. На другом полюсе оказываются «немодернизированные», что позволяет некоторым авторам говорить о «принципе небоскреба» как характерной черте новой технологической революции. Этот разрыв увеличивается в связи с необходимостью соответствовать (интеллектуально и материально) ускоряющемуся техническому прогрессу – «нужно очень быстро бежать, чтобы остаться там, где стоишь»⁵⁴.

Неравенство доступа к ресурсам гражданского общества. Исследования Т.И. Заславской и М.А. Шабановой⁵⁵ дают материал о кумулятивных процессах социального неравенства с точки зрения защиты трудовых прав работников. Занимающие более высокие социальные позиции (например, работодатели) имеют возможности устанавливать правила в соответствии со своими интересами, а значит, упрочивать свои преимущества за счет тех, кто не имеет доступа к властным ресурсам. Например, попадание низкоресурсных работников (не имеющих надежных институционально-правовых противовесов произволу работодателей) в неправовое пространство аналогично попаданию в воронку: чем менее благоприятные позиции занимают они на шкале социальных неравенств, тем чаще нарушаются их трудовые права и тем меньше шансов у них эти права отстоять. Более же «сильные» социальные группы, напротив, чаще включаются во *взаимовыгодные* неправовые взаимодействия друг с другом.

Государственная социальная политика: характер перераспределения ресурсов. Постсоветская система социальной защиты, как это ни странно, нередко отделяет от ресурсов государственной поддержки именно наиболее остро нуждающихся. Созданная для выравнивания возможностей, она самим характером своей деятельности часто усиливает

⁵² Батыгин Г.С. Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России // *Науковедение*. 2000. № 4; «Эффект Матфея»: накопленное преимущество и распределение статусов в науке // *Ведомости / Тюменский государственный нефтегазовый университет; НИИ прикладной этики*; под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Вып. 18. Тюмень, 2001. С. 173–185.

⁵³ Мирская Е.З. Современные информационно-коммуникационные технологии в российской академической науке // *Курьер образования*. 2002. № 5 (125). <http://courier.com.ru/cour0011/2600.htm>; Мирская Е.З. Российская академическая наука в зеркале социологии. Эмпирические исследования 1994–1999 годов // *Независимая газета*. 2000. 24 мая.

⁵⁴ Кагарлицкий Б.Ю. Конец гордыни // *Компьютерра*. 2002. № 3. 27 января.

⁵⁵ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // *Социологические исследования*. 2002. № 6.

неравенство: к льготам легче получить доступ тем, кто *имеет ресурсы* (например, ссуды на строительство жилья получают вынужденные мигранты, имеющие достаточный семейный доход; на переобучение, вероятнее всего, будут направлены те имеющие социальные ресурсы безработные, которые добудут справки о возможности своего будущего трудоустройства⁵⁶). Приводятся оценки, что лишь 19% государственной социальной помощи достаются семьям, живущим за чертой бедности, остальная же часть «распыляется» по многочисленным категориям льготников⁵⁷.

Категориальный принцип распределения социальных трансфертов в России сегодня не ругает только ленивый. Однако западный опыт показывает, что и адресный принцип социальной защиты не обеспечивает более высокие жизненные шансы «исключенных». Так, в числе шести сил, которые «запирают» андекласс на социальном дне, называется система пособий, способствующая росту бедности и «ловушек безработицы»⁵⁸. Помощь, основанная на проверке нуждаемости претендентов [means-tested assistance], не стимулирует получателей пособий самостоятельно решать свои проблемы.

Установки и типы экономического поведения людей. Кроме «объективных» факторов, влияющих на экономическое благополучие индивидов и домохозяйств, влияние на увеличение разрыва между бедными и богатыми оказывают ценности и мотивации людей в экономической сфере, приводящие, в конечном итоге, к разным моделям социально-экономической адаптации в целом. Исследование ментальных установок и особенностей индивидуального поведения социальных низов было особенно популярно в англо-американской социологии 1960-х гг., в частности, в концепции «культуры бедности» О. Льюиса⁵⁹, где индивидуальные качества бедняков рассматривались как самостоятельный (и главный) фактор их пребывания на социальном дне.

Результаты исследований свидетельствуют о наличии тесной связи между длительным ухудшением условий жизни и существенным снижением у многих людей уровня социальных потребностей, притязаний и активности. В. Бойков⁶⁰ называет подобный механизм снижения потребностей механизмом регресса, приводящим к люмпенизации части населения. Он заключается в том, что в процессе снижения уровня жизни вымываются сложные социокультурные потребности, люди живут сегодняшним днем, установка – на выживание. В свою очередь, подобные установки бумерангом возвращаются в хозяйственную практику через сознание и поведение людей. К. Муздыбаев также отмечает, что социальный опыт и навыки преодоления материальных трудностей у бедных неэффективны и ориентированы на выживание, а не на преодоление бедности⁶¹.

⁵⁶ Балабанова Е.С. Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями // [Экономическая социология](#). 2000. Т. 1. № 2. 2000; Балабанова Е.С. Типы стратегий совладания с жизненными трудностями / Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001.

⁵⁷ Дмитриев М.Э. Социальные реформы в России: итоги и ближайшие перспективы // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 21–22.

⁵⁸ Field, F. Op. cit. P. 101.

⁵⁹ Lewis, O. The Culture of Poverty, in: Ferman, L. and others (eds.) *Poverty in America*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1965; Lewis, O. *La Vida*. N.Y.: Random House, 1968; Ярошенко С.С. Синдром бедности // *Социологический журнал*. 1994. № 2.

⁶⁰ Бойков В.Э. Указ. соч. С. 35.

⁶¹ Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // *Социологический журнал*. 2001. № 1.

«Неэффективные» культурные установки являются и следствием, и причиной неблагоприятного экономического положения людей. Так, П. Штомпка⁶² утверждает, что следы «блоковой культуры», ценности безопасности, равенства, справедливости в наибольшей степени характерны для «проигравших» в ходе реформ, в то время как успешно адаптирующиеся принимают капиталистическую культуру и обращаются к идеям индивидуальной свободы, прагматизма, эффективности. Для последних характерны инновационные экономические стратегии, способствующие накоплению их экономического, человеческого и социального капитала как трамплина для успешной карьеры и подъема уровня жизни. «Пассивные» же экономические стратегии в большей степени характерны для групп работников, находящихся в «проигравших», финансово дефицитных секторах экономики (например, государственных предприятий), а также для работников, имеющих безработных среди членов своей семьи⁶³.

Социализация детей. «Неправильные» (препятствующие достижению успеха) культурные установки часто формируются уже в процессе социализации детей. В связи с этим важной проблемой является межпоколенная передача депривации в беднейших семьях. По словам Дж. Коулмана⁶⁴, одного лишь человеческого капитала семьи (уровня образования родителей) недостаточно для успешной социализации будущих поколений; доступность для детей человеческого капитала взрослых обусловлена степенью прочности отношений между родителем и ребенком, а также комбинацией таких элементов, как наличие обоих родителей, число детей в семье, ожидания родителей в отношении детей. Существуют статистические подтверждения того, что в стабильных (благополучных) территориальных единицах [communities] вырастают успешные поколения, и наоборот, т.е. передача различных форм преимуществ или депривации не ограничивается лишь влиянием семьи, но помещена в более широкий контекст. Данные зарубежных исследований показывают позитивную связь между плохими жилищными условиями и делинквентностью детей и подростков, их плохой учебной. Это даже породило термины «семьи с множественными проблемами» или «цикл передаваемой депривации»: депривированные в детстве люди становятся родителями следующего поколения депривированных детей⁶⁵.

В российской социологии также встречаются упоминания о том, что в семьях разного уровня благосостояния дети социализируются в разных типах экономической культуры. Например, данные исследования экономической активности старшеклассников (их попыток заниматься коммерческой деятельностью)⁶⁶ позволяют предположить, что в России развивается межпоколенная имущественная преемственность – доля подростков, желающих стать богатыми (и предпринимателями для достижения этого реальные шаги), выше среди богатых семей, чем среди выходцев из семей с низким уровнем жизни.

Разрыв социальных связей. Социальный капитал – способность аккумулировать ресурсы через членство в носящих долговременный характер социальных сетях, в которых

⁶² Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2.

⁶³ Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Социальная адаптация рабочих в трансформирующемся обществе: основные положения программы и некоторые результаты исследования // Мир России. 2000. № 4. С. 110.

⁶⁴ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

⁶⁵ Rutter, M., and N. Madge. Op. cit. P. 1, 66–74, 246.

⁶⁶ Борисова Л.Г. Подросток в бизнесе: социализация или девиация? // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 71.

осуществляется совместное пользование деньгами и воспроизводство ресурсов⁶⁷ – оказывает сильнейшее влияние на создание человеческого капитала в последующих поколениях. Социальный капитал обладает способностью генерировать человеческий капитал в контексте социальных обязательств⁶⁸, и людям свойственно тянуться к успешным, счастливым людям, у которых, соответственно, выше возможности привлечения социального капитала. Неблагоприятные же жизненные события (потеря работы, дохода, болезнь), в свою очередь, нередко уменьшают социальный капитал индивидов, уменьшая, соответственно, и их ресурсную базу в целом.

Особенно большое значение распаду социальных связей уделяется в концепции социального исключения. Приводятся данные, что во Франции, Германии, Великобритании, Нидерландах, Дании, Италии, Испании наблюдаются сильные позитивные корреляции между нестабильностью на рынке труда и разрушением брака, особенно у мужчин. Еще в исследованиях П. Лазарсфельда в 1930-е гг. отмечался феномен «ухода в себя» безработных, их социальной изоляции; такие же результаты показали исследования 1990-х гг. Исследователи приходят к выводу, что в странах с самым низким уровнем бедности – Франции, Великобритании и Германии – бедные оказываются в изолированном меньшинстве, и потеря работы почти автоматически ведет к остальным затруднениям, социальному исключению⁶⁹; бедные оказываются отвергнутым меньшинством, а благополучное большинство живет в страхе попасть в их число. Окружающие сторонятся бедных, как заразных больных⁷⁰.

Не последнюю роль в исключении нуждающихся от социальных ресурсов играет стигматизация бедных, бездомных, живущих на государственные пособия⁷¹. Происходит конструирование бедности как особого – обесцененного – социального статуса⁷². Это явление в меньшей степени характерно для России и в большей – для западной культуры индивидуализма и достижений, в которой бедность считается результатом лени, вредных привычек, низкой мотивации к труду. Однако и в современной России наблюдаются тенденции к тому, что бедные, нуждаясь в помощи, в меньшей степени могут рассчитывать на нее по сравнению с более благополучными социальными группами. Так, отмечается отталкивающий образ бедного в глазах окружающих – плохо одетого, выражающего своим депрессивным стилем поведения пессимизм, беспомощность, низкую самооценку. Часто подобное поведение и установки являются результатом постоянных лишений и повторяющихся неудач в попытках преодолеть бедность («выученной беспомощности»), и, в свою очередь, они способствуют дальнейшему ухудшению положения⁷³.

⁶⁷ Schmidt, L., D. Dohan, J. Wiley, and D. Zabkiewicz. *Addiction and Welfare Dependency: Interpreting the Connection*, *Social Problems* (2002). Vol. 49. No. 2. P. 224.

⁶⁸ Coleman, J.S. Social capital in the creation of human capital, *American Journal of Sociology* (1988). Vol. 94.

⁶⁹ Paugam, S. Poverty and Social Disqualification: a Comparative Analysis of Cumulative Social Disadvantage in Europe, *Journal of European Social Policy* (1996). Vol. 6. No. 4.

⁷⁰ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 165.

⁷¹ Rutter, M., N. Madge. Op. cit; Field, F. Op. cit; Martin, C. Op. cit.

⁷² Paugam, S. Op. cit.

⁷³ Муздыбаев К. Указ. соч.

Факторы и механизмы, препятствующие социальной поляризации

Гораздо меньшее количество публикаций посвящены стихийным и целенаправленным механизмам противодействия процессу возрастания социального неравенства и концентрации ресурсов. Например, о существовании предельной меры концентрации научных ресурсов в одном университете писал в уже упоминавшихся работах Р. Мертон.

У Т. Шанина⁷⁴ есть упоминание о стихийной «уравнительной тенденции», препятствующей экономической поляризации крестьянских хозяйств начала XX в. в России. Наряду с интенсивными поляризационными процессами между зажиточными и маломощными хозяйствами наблюдались и встречные процессы уравнивания, связанные с разделом, слиянием, уходом и вымиранием хозяйств. Например, самый высокий уровень миграции в города демонстрировали полюсные группы. Выходцы из наиболее богатых хозяйств уходили в купеческую деятельность мелких и средних городов, из беднейших – пополняли ряды городского пролетариата. Кроме того, накапливанию преимуществ на определенном этапе препятствовала традиционная практика разделения крестьянских семей, «выдела» сыновей, и, соответственно, дробление хозяйств, поэтому следующие поколения «сползали» в категорию менее состоятельных хозяйств.

Шанин, ссылаясь на В. Зомбарта, указывает на высокую вертикальную мобильность как определяющий фактор низкого уровня классового самосознания и снижения остроты классовых антагонизмов. Сходная идея содержится в статье, посвященной японской системе «социального корпоратизма» [welfare corporatism]⁷⁵, в основе которой лежат возможности значительной внутриорганизационной мобильности. Ключевыми компонентами «социального корпоратизма» являются структуры, повышающие степень участия работника в процессе принятия решений. Рабочие интегрированы в организацию через многочисленные подразделения и иерархии, нарушающие классовые и статусные линии и, таким образом, препятствующие солидарности рабочих и классовой поляризации. Это ведет к известному феномену японской организационной культуры – высокой степени лояльности и идентификации работников с компанией.

О возможности разрыва «циклов депривации» пишут в своей книге М. Руттер и Н. Мадж⁷⁶. Они приводят данные о том, что, по крайней мере, половина детей, родившихся в «депривированных» семьях, не воспроизводят родительских образцов депривации. Это объясняется индивидуальными (врожденными) качествами детей, когда их реакции на стрессовые ситуации модифицируются характеристиками их темперамента. Поэтому адаптивные, активные, эмоционально устойчивые и обладающие способностью рефлексии дети в меньшей степени подвержены задержкам развития в дестимулирующих условиях. Было установлено также, что для того, чтобы ребенок из неблагополучной семьи вырос «нормальным», может быть достаточно всего нескольких «хороших» факторов, связанных с его непосредственным окружением. Так, черные дети, живущие в распавшихся (неполных) семьях, с меньшей вероятностью бросят школу, если они воспитываются бабушками/дедушками. У ребенка же, воспитывающегося в интернате или в неблагополучной семье, адаптивная способность повышается, если у него есть хорошие (близкие) отношения хотя бы с одним из родителей, живущих в разводе, или вообще с кем-то из взрослых. Был также отмечен тот интересный факт, что межпоколенные неблагоприятные социальные обстоятельства с меньшей вероятностью передаются дочерям, чем сыновьям.

⁷⁴ Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1895–1930 гг. // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 38.

⁷⁵ Lincoln, J.R., and A.L. Kalleberg. Work Organization and Workforce Commitment: A Study of Plants and Employees in the US and Japan, *American Sociological Review* (1985). Vol. 50.

⁷⁶ Rutter, M., and N. Madge. Op. cit. P. 253, 304, 326.

Исследователи высказывают предположение, что замужество – это реальная возможность выйти из порочного семейного круга «множественных проблем», поскольку женская брачная мобильность чаще мужской носит восходящий характер (заключение брака с обладателями более высокого социального статуса). Кроме того, как известно, дочери характеризуются более тесными эмоциональными связями со взрослыми, прежде всего, с матерями, и именно это, возможно, является тем «хорошим» фактором, способствующим разрыву цикла депривации. Сыновья же, по мнению исследователей, в большей степени оказываются «поврежденными» воспитанием в проблемной семье.

Социальной поляризации на институциональном уровне может препятствовать и сама система образования. Интересно, что ее прежняя функция в советском обществе – содействие восходящей мобильности выходцев из рабоче-крестьянской среды – постепенно утрачивает свое значение, однако одновременно открываются возможности поступления в вузы иной категории абитуриентов, которые также имеют низкий уровень подготовки, но прежде не могли в силу своего социального происхождения рассчитывать на льготные условия поступления. Таким образом, неравенство доступа к образованию, существовавшее в советское время, как это ни удивительно, частично сглаживается за счет его коммерциализации. Поэтому в 1990-е гг. отмечен значительный рост приема в вузы⁷⁷, и происходило это за счет лиц, которые ранее не могли поступить на интересующие их специальности.

Прикладным аспектом научных исследований процессов социального исключения является выработка целенаправленных институциональных механизмов противодействия накоплению неблагоприятных социальных обстоятельств. Исследованию факторов противодействия «эффекту Матфея» посвящена одна из работ Р. Халворсена, где поиск ведется в области внутренних ресурсов самоорганизации индивида на борьбу с жизненными трудностями⁷⁸. В этом же ключе ведутся разработки российских ученых, в частности, рассматривается роль общественных организаций⁷⁹.

Заключение

На основе анализа отечественных и зарубежных публикаций можно описать достаточно большое количество «случаев» кумулятивного характера динамики социального неравенства и сделать предположения о факторах, как способствующих, так и препятствующих «эффекту Матфея».

В самом общем виде процесс накопления преимуществ можно описать как эффективное использование ресурсов, необходимых для достижения значимых жизненных целей, и расширение спектра доступных ресурсов по мере достижения промежуточных результатов. Напротив, процессы углубления депривации – это нисходящее движение по «осям преимуществ», когда каждая ступенька вниз, подобно воронке, сужает спектр доступных

⁷⁷ Высшее образование в России. Некоторые цифры // Отечественные записки. 2002. № 2; Богомолов Ю.П. Современные сдвиги в высшем образовании и проблемы подготовки кадров для исследований и разработок // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 4.

⁷⁸ Halvorsen, R. Against the Matthew Effect? Cultural opportunity structures and social mobilisation by the socially excluded, *Paper to the 4th European Conference of Sociology*. August 18–21, 1999 // Will Europe Work?, European Sociological Association. Vrije Universiteit Amsterdam / <http://www.sv.ntnu.no/iss/Rune.Halvorsen/papers.htm>

⁷⁹ Бородкин Ф.М. Указ. соч.; Бородкин Ф.М., Пучков О.Э. Нормативно-правовая база выявления социальных эксклюзий и участия в их преодолении организаций Третьего сектора / Преодоление: Материалы международной школы. Новосибирск, 2000.

индивиду ресурсов и затягивает его еще ниже⁸⁰. Последствия кумулятивных социальных процессов и их причины тесно переплетены и взаимообусловлены, поэтому наиболее адекватно описывать их в терминах «цепочки преимуществ» или «замкнутых кругов депривации».

Процессы накопления преимуществ тесно связаны с расширением человеческого капитала, развития личности в целом. Он приводит к эффекту *самовоспроизводства ресурсов*, когда для достижения целей более высокого порядка индивидам приходится прилагать *меньше* индивидуальных усилий, за счет возможности более эффективного использования наличных ресурсов. Ориентированность же на выживание как стратегия социально-экономического поведения, описанная многими авторами, строго говоря, в долгосрочной перспективе не способствует даже выживанию индивидов / семей, поскольку все более удаляет их от «лидеров», активно адаптирующихся к происходящим в обществе изменениям. По мере углубления в «воронку депривации» у индивидов все меньше возможностей самостоятельно отсюда выбраться, и приостановить этот процесс может только вмешательство извне, в частности, целенаправленные воздействия социальной политики государства.

Однако подчеркнем еще раз, что для количественного анализа аккумуляции неравенства, установления «веса» факторов, препятствующих и способствующих ему, необходимо понимание многофакторных и интерактивных каузальных процессов, цепочки обстоятельств, а не идентификация и описание «случаев». Остается открытой тема о взаимодействии разных форм депривации, их механизмов, условий, при которых они усиливают или, напротив, нейтрализуют друг друга.

Как нетрудно заметить, кумулятивный характер социального неравенства, в особенности передача привилегий и лишений из поколения в поколение, имеет прямой выход на проблему справедливости. «Социальная справедливость» – это фикция, посредством которой маскируются взаимоисключающие интересы разных социальных групп и слоев, и «элитарная» и «демократическая» концепции справедливости имеют прямо противоположные точки зрения на эту проблему. Отсюда и высокая оценочная нагруженность этой темы, трудность для исследователя оставаться идеологически нейтральным. Однако следует признать, что вмешательство с целью частичного противодействия процессам накопления преимуществ и углубления депривации необходимо – не с целью «заботы» о неудачниках за счет успешных граждан, но с целью обеспечения минимально необходимого уровня социальной стабильности, поддержания гражданского мира в обществе.

⁸⁰ Балабанова Е.С. Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями // [Экономическая социология](#). 2000. Т. 1. № 2. С. 35–53.